

С. Т.
АКСАКОВ

Сочинения

Сергей Аксаков

**Литературные и
театральные воспоминания**

«Public Domain»

1858

Аксаков С. Т.

Литературные и театральные воспоминания / С. Т. Аксаков —
«Public Domain», 1858

«Благодаря трудам наших библиографов и биографов, трудам, принимаемым читающею публикою с видимым участием, мы имеем теперь довольно важных сведений о писателях второстепенных, которые начинали приходить у нас в забвение, потому что они имели достоинства, относительные к своему времени. Кроме того, что все такие биографические сведения и разыскания любопытны, полезны и даже необходимы, как материал для истории нашей литературы, — в этом внимании, в этих знаках уважения к памяти второстепенных писателей выражается чувство благодарности, чувство справедливости к людям, более или менее даровитым, но не отмеченным таким ярким талантом, который, оставя блестящий след за собою, долго не приходит в забвение между потомками...»

© Аксаков С. Т., 1858

© Public Domain, 1858

Содержание

1812 год	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Сергей Тимофеевич Аксаков

Литературные и театральные воспоминания

Благодаря трудам наших библиографов и биографов, трудам, принимаемым читающей публикой с видимым участием, мы имеем теперь довольно важных сведений о писателях второстепенных, которые начинали приходить у нас в забвение, потому что они имели достоинства, относительные к своему времени. Кроме того, что все такие биографические сведения и разыскания любопытны, полезны и даже необходимы, как материал для истории нашей литературы, – в этом внимании, в этих знаках уважения к памяти второстепенных писателей выражается чувство благодарности, чувство справедливости к людям, более или менее даровитым, но не отмеченным таким ярким талантом, который, оставя блестящий след за собою, долго не приходит в забвение между потомками. Писатели второстепенные приготавливают поприще для писателей первоклассных, для великих писателей, которые не могли бы явиться, если бы предшествующие им литературные деятели не приготовили им материала для выражения творческих созданий, – среды, в которой возможно уже проявление великого таланта. Всякий кладет свой камень при построении здания народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стен, погребены ли в подземных сводах, красуются ли на гордом куполе, – все равно, труды всех почтенны и достойны благодарных воспоминаний.

Желая по возможности содействовать успеху важного, по моему убеждению, дела, я хочу присоединить к нему и мою скудную долю. Я несколько не беру на себя обязанности библиографа или биографа, я не собираю сведений из устных и печатных, разбросанных по журналам и брошюркам: я стану рассказывать только то, что видел и слышал сам при моих встречах с разными литераторами. Моя цель – доставить материал для биографа. Я расскажу также о тех впечатлениях, которые производили на общество тогдашние литературные явления именно в том круге, в котором я жил, или, правильнее сказать, куда я заглядывал до 1826 года. С этого времени рассказы мои будут подробнее, последовательнее и точнее.

1812 год

В начале 1812 года, зимою, Яков Емельянович Шушерин познакомил меня в Москве с некоторыми литераторами, и прежде всех с Сергеем Николаевичем Глинкою, издававшим тогда «Русский вестник». Шушерин звал издателя «русским мужичком». Его оригинальная личность, его патриотическое участие в московских событиях 1812 года гораздо замечательнее его многотомных сочинений; говорить о нем с полной свободой еще не время. Скажу только, что я нашел тогда в Сергее Николаевиче Глинке, несмотря на его странности в приемах, привычках и суждениях, – самого доброго, прямого, открытого и правдивого человека. Русское направление было для него главным делом в жизни; проповедовать его он считал своим гражданским долгом, ибо такое проповедование он находил полезным для государства, которого был гражданином. Это слово часто употреблялось Глинкою в разговорах. Он никогда не принадлежал к числу исключительных, так называемых и тогда, славянофилов. Воспитанник кадетского корпуса, товарищ и приятель Озерова, он был такой же горячий любитель французского языка и французской литературы, как Озеров, знал хорошо этот язык, помнил множество стихов и прозы лучших французских писателей и любил читать их наизусть. Он был живого, даже торопливого нрава: весь состоял из порывов. Он думал, говорил и писал, так сказать, *на ходу*, сентенциями, а потому все, им написанное, несмотря на природную даровитость автора, не выдерживало и тогда моего юношеского разбора и суда. Во всех его сочинениях, без исключения, везде вырывались горячие слова, живые выражения, даже строки, полные внутреннего чувства; они производили сначала впечатление, но повторенные сочинителем несколько раз, иногда некстати, сделавшись стереотипными, казенными фразами, – они начинали уже опошливаться и надоедать людям разборчивым, а потому и взыскательным. Я не знаю, кто-то сказал, вероятно после нашествия французов, и сказал довольно верно, что «Глинка был бы недурен, если б у него не было соуса из *веры, верности и донцов*,¹ который и хорош для винегрета, а он обливает им все блюда». Впрочем, в отдаленных углах России, особенно после великого двенадцатого года, особенно на Дону, Глинка пользовался большим авторитетом. Успех его «Русского вестника» и еще более блистательный, хотя непродолжительный, успех его пансиона для донцов служат тому неоспоримым доказательством. Доброта души С. Н. Глинки была известна его знакомым: он не мог видеть бедного человека, не поделившись всем, что имел, забывая свое собственное положение и не думая о будущем, отчего, несмотря на значительный иногда прилив денег, всегда нуждался в них... Но, повторяю, рано еще говорить обо всем набело. – Сергей Николаевич Глинка очень меня полюбил, особенно за мое русское направление. Он захотел познакомить меня с Николаем Михайловичем Шатровым, который был тогда в славе – и в светском обществе и в кругу московских литераторов – за стихотворение свое «Мысли россиянина при гробе Екатерины Великой»,² в котором точно очень много было сильных стихов: они казались смелыми и удобоприлагались к современной эпохе. Еще более славился Шатров подражаниями или переложениями псалмов Давида, которые положительно имеют большое достоинство. Шатров был сын пленного персиянина *Шатра*, вывезенного мальчиком в Россию около 1727 года. Шатр воспитался в доме Михаила Афанасьевича Матюшкина, командовавшего русскими войсками в персидском походе; у него же в доме вырос и воспитался Н. М. Шатров, которого потом определили в службу в Москве, где он успел познакомиться и сблизиться со многими знатными людьми и особенно с другом

¹ В 1813 году С. Н. Глинка напечатал книжку или брошюрку «Вера, верность и слава донцов»; она-то, вероятно, подала повод к рассказанной мною шутке.

² Впоследствии оно называлось иначе, а именно: «Праху Екатерины Второй»; под сим заглавием напечатано оно в третьей части «Стихотворений Н. Шатрова», изданных в пользу его от Российской академии.

Новикова и покровителем знаний и талантов, богатым барином П. А. Татищевым, у которого в доме и жил. Умом, дельностью по службе и талантом, а всего более покровительством Татищева, Шатров скоро проложил себе дорогу. Дослужившись до чина, который давал ему право на потомственное дворянство, он просил себе грамоты и герба. Император Павел I приказал ему составить герб, поместя в нем золотую лиру в голубом поле.³ Шатров не имел научного образования, но русскую грамоту знал твердо, и язык у него везде правилен и благозвучен. Он был немаловажного о себе мнения, и в то же время человек веселый и любезный по-своему; в молодости он, вероятно, был очень хорош собою; к обществу высшего, или, вернее сказать, лучшего, круга новых литераторов он не принадлежал, по крайней мере я никогда не видал его ни у Кокошкина, ни у других. Шатров областал меня и между прочим спросил, знаком ли я с знаменитым русским писателем Николаем Петровичем Николевым? Должно признаться, что я не имел никакого понятия о знаменитости Николева; слышал только от Шушерина об его трагедии «Сорена и Замир», напечатанной в «Российском феатре» и не попавшей в «Творения Николева», которую обыкновенно называли просто «Сорена». Шушерин говаривал мне, что в ней есть славные места, но что после Крюковского и Озерова ее читать нельзя, потому что язык слишком устарел. Хотя я очень помнил два стиха из одной рукописной сатиры кн. Горчакова:⁴ Гуситы:

Попугай предпочтены Сорене,
И Коцебятина одна у нас на сцене, —

из которых я должен был заключить, что «Сорена» имеет высокое достоинство; но на ту пору я все это забыл и откровенно отвечал, что не имею понятия о Николеве. Шатров удивился, посмотрел на меня с улыбкою сожаления и сказал: «Это оттого, что вы всегда жили в Петербурге, а там не умеют и не хотят ценить московских талантов. Я познакомлю вас с Николевым и попрошу его прочесть что-нибудь из новой его трагедии „Малек-Адель“, заимствованной из „Матильды“;⁵ эта трагедия лучше всех его прежних сочинений и написана с таким огнем, как будто ее писал молодой человек. Поедемте завтра же поклониться нашему славному слепцу». Я очень был рад такому предложению. Шатров прочел нам два новых псалма и какое-то патристическое стихотворение; псалмами я восхищался от искреннего сердца.

Тот же день Шушерин, чтобы приготовить мне хороший прием, съездил к Николеву, разумеется, расхвалил меня и мое чтение и, к сожалению, наговорил лишнего о моем восхищении и благоговении к таланту хозяина. Шушерин, однако, успел меня предупредить о том и дать мне более подробное понятие о «Сорене», даже прочел некоторые места наизусть. Он рассказал мне, что Николев любит похвалы и что мне, как очень молодому (мне было двадцать лет) и неизвестному литератору, только что вступающему на это поприще (я переводил тогда «Филоктета»), необходимо высказать мое удивление к великим творениям Николева. Это меня порасхолодило, но делать было нечего. Я приехал на другой день поутру к Шатрову, и мы вместе отправились к слепому поэту, который желал казаться зрячим и очень не любил, если

³ Все это я слышал тогда же от Шушерина несколько в превратном виде; но сказанное мною здесь сообщено мне из достоверных источников С. А. М. и П. И. Б.

⁴ Рукописные сатиры кн. Горчакова пользовались в восьмисотых годах большою известностью и особенным уважением в славянофильском кругу Шишкова. Кажется, они никогда не были напечатаны. В них сильно и резко выставлялись тогдашние злоупотребления. Описывая роскошные пиры чиновников, наворовавших себе богатство от продовольствия солдат, сочинитель говорит: Меж тем как воин, к ним пришедший на клюке И через них одних не в лавровом венке, Простря под оконыю истреленну десницу, За счастье чтит достать от их стола крупичу. Не менее знаменательны и следующие два стиха, которые говорит один из общественных грабителей: И, шествуя путем воров без остановки, На шее с лентою, избавлюсь от веревки. Да простит мне тень благородного сочинителя этих стихов, если память моя сколько-нибудь их исказила!

⁵ «Матильда, или Рыцари крестовых походов». Сочинение г-жи Коттен. В брошюре «Памятник друзей Н. П. Николеву» два раза упоминается о ненапечатанной трагедии «Матильда»; вероятно, ее слышал я под названием «Малек-Адель».

кто-нибудь давал ему чувствовать, что знает его слепоту. Об этом предупредил меня Шатров. Николев принял нас в своем кабинете; он был одет парадно и неопрятно, чего по слепоте своей не мог видеть, но чего терпеть не мог. Он даже хвалился всегда свежестью своего белья и чистотою в комнатах, тогда как, напротив, все было грязно и в беспорядке: разумеется, никто не выводил его из приятного заблуждения. Николев сидел в креслах у письменного стола; возле него стоял мальчик. Отворяя нам дверь, человек громко сказал: «Николай Михайлович и господин Аксаков». Николев встал, очень свободно пошел нам навстречу, протянул мне руку, приветствовал очень ласково, запросто поздоровался с Шатровым и, пригласив нас сесть, ворочился к своим креслам и сел в них так ловко, что если б я не был предупрежден, то не догадался бы, что он слеп, тем более, что глаза его были совершенно ясны. Хозяин был очень любезен; но в этой любезности слышалось снисхождение знаменитого писателя, который с высоты своего величия благодушно и приветливо обращается к простым смертным. Шатров без всяких церемоний называл его в глаза «великим Николевым», и он принимал такие слова как должную и привычную дань, все равно, как будто называли его Николаем Петровичем. Я кое-как подлаживался к Шатрову, и если б Николев не был слеп, то мог бы заметить по моему смущенному лицу, что я говорил не искренно. Впрочем, едва ли так. Тут самоуверенность была так сильна, что и смущение и молчание было бы принято за выражение того благоговения, с которым обыкновенный человек приближается в первый раз к великому человеку. Разговор вертелся на сочинениях хозяина; Шатров управлял разговором и лгал на меня бессовестно, разумеется, насчет моего благоговения к сочинениям Николева. Когда речь дошла до новой трагедии хозяина, до «Малек-Аделя», то я сказал, что был бы очень счастлив, если б мог ее прочесть или что-нибудь из нее услышать. Николев отвечал, что «кроме писца, никто не имел его трагедии в своих руках, но что он сам, зная ее наизусть, играет некоторые сцены из нее друзьям своим, потому что драматическое сочинение надобно *играть*, а не читать». Шатров начал просить, чтобы *бессмертный* Николев сыграл какую-нибудь сцену. Я присоединил мою убедительную просьбу, и Николев согласился. Он вышел на средину комнаты и продекламировал целую, очень большую сцену, играя все лица разными голосами, предварительно называя их по именам, переходя с места на место и принимая приличное их характерам положение. Несмотря на такие комические приемы, несмотря на мимику и жесты, доводимые до крайнего излишества, мне показалось тогда так много силы в стихах и огня в выраженных чувствах, что я на первый раз был увлечен и превозносил искренними похвалами игру и сочинение хозяина. Впоследствии я слышал еще несколько сцен, которые уже не производили на меня такого впечатления; но из всего слышанного я вывел заключение, что в трагедии много сильных мест, а в чувствах Малек-Аделя много пылкости. У меня врезались в памяти четыре стиха, которые говорит, кажется, Матильда, может быть и кто-нибудь другой, описывая скачущего на коне Малек-Аделя:

Блистал конь бел под ним, как снег Атлантских гор,
Стрела летяща – бег, свеча горяща – взор,
Дыханье – дым и огонь, грудь и копыта – камень,
На нем – Малек-Адель, или сражений пламень.⁶

Что сделалось с этой трагедией, равно как и со всеми рукописными сочинениями Николева, умершего в 1815 году, – ничего не знаю.⁷ Из приведенных мною четырех сильных стихов можно заключить, что вся трагедия написана в таком же лирическом, восторженном духе.

⁶ Не отвечаю за слово «блистал». Иногда мне кажется, что вместо него стояло: «сверкал». «Малек-Адель» значит пламень битвы, так говорил мне Шатров.

⁷ По сведениям, полученным мною от почтенного С. А. М., находившегося в близких сношениях с Н. П. Николевым, все его бумаги перешли в руки Н. М. Шатрова и, вероятно, были доставлены им ближайшему наследнику.

Продекламировав сцену, Николев, совершенно как зрячий, воротился к своим креслам и сел на них. Шатров не преминул назвать его неподражаемым актером и писателем. Чтение или игра Николева была самая напыщенная, неестественная, певучая декламация, не совсем, однако, похожая на обыкновенное тогда чтение нараспев трагических стихов; что же касается до огня, до пылу, то его было гораздо более во внешнем выражении, чем во внутреннем чувстве. Тогда немногие понимали это различие; но сила, стремительность, поражающие и увлекающие сначала всякого слушателя, были в его чтении. Николев был очень доволен собою и говорил, что давно так хорошо не играл; он сделался веселее, разговорчивее и ласковее; заставил меня прочесть один монолог из переводимого мною тогда «Филоктета», похвалил и перевод и чтение и, услышав от Шушерина, что я перевел стихами комедию Мольера «Школа мужей», потребовал, чтоб я непременно прочел ему свой перевод. Потом пригласил меня приезжать, как можно чаще, к нему, обещая прочесть мне много кой-чего «важного и забавного»; потом, взяв слово, что завтра мы приедем к нему обедать, отпустил нас с Шатровым, осыпав меня множеством любезностей на русском и даже на французском языке.

Шатров не был доволен впечатлением, произведенным на меня Николевым: похвалы мои казались ему холодны, а замечания, откровенно высказанные мною Шатрову, – непозволительными. Ему было дико, что двадцатилетний юноша, ничего еще не сделавший в литературе, смеет судить и критиковать писателя, которого он (Шатров) и весь кружок его считает великим писателем. Он высказал мне довольно прямо свои мысли и назвал мои суждения «самонадеянной дерзостью молодого человека»; но впоследствии я убедился, что Шатров немножко прикидывался передо мною, как перед новичком, из каких причин – не знаю. Да и возможно ли, чтобы человек, писавший тогда прекрасным языком, даже и теперь сохраняющим свое достоинство, не чувствовал устарелости, неестественности, пухлости, а иногда и уродливости языка Николева?... Шушерин понимал это совершенно. Шатров, однако, сказал мне, в виде наставления, что и великие люди имеют свои странности, иногда доходящие до смешного. «Так и Николев, – продолжал он, – имеет странное желание казаться зрячим и любит говорить о чистоте своего платья и опрятности своих комнат, тогда как мошенники-слуги одевают его в черное белье, нечищенное платье и содержат его комнаты засоренными и грязными; вот завтра будем мы обедать у него, и я вас предупреждаю, что кушанье будет приготовлено жирно и даже вкусно, но все будет подано неопрятно, особенно столовое белье. Николев любит, чтоб его гости кушали много и хвалили кушанья: от первого можно себя уволить, а второе необходимо». Шатров простился со мною с чувством своего достоинства и превосходства. Я рассказал все Шушерину. Он смеялся и уверял, что Николай Михайлович «задает мне тоны», что он сам забавляется над смешными причудами Николева и даже над его слепотою и что со временем все это я сам увижу. Шушерин не предупредил меня, что Николев обедает в два часа с половиной; я приехал нарочно пораньше, то есть в три часа, и все-таки заставил полчаса себя дожидаться. Это было мне очень досадно и очень меня смутило. Я думал, что мы только двое с Шатровым будем обедать у Николева, но я нашел там и Шушерина, и С. Н. Глинку, и Н. И. Ильина, и еще несколько человек, вовсе мне незнакомых. Предсказания Шатрова совершенно оправдались: обед был жирен, вкусен и неопрятен; все комнаты были в беспорядке. Хозяин посадил меня возле себя, ласкал и потчевал радушно. Вина было довольно, и как Николев наливал мне из своей бутылки, то вино оказалось отличное, а у других гостей посредственное; даже подаваемые вина особо были разного достоинства: хозяину подавали одно, а гостям другое. Впоследствии я слышал от Шатрова, что Николев до того верил своей прислуге, особенно своему любимцу камердинеру и дворецкому, что не было возможности самым близким людям убедить его в неряшестве его слуг и плутнях его любимца. Николев, кроме поэзии, имел претензию быть и гастрономом, и политиком, и светским человеком, чем, без сомнения, он и был в свое время. За обедом и помину не было об литературе; говорили о Наполеоне, об его тайных замыслах, о городских новостях и преимущественно о скандальных историях. Хозяин пред-

ставлял любезного весельчака: смеялся и заставлял смеяться, рассказывая множество нескромных анекдотов «веселого прошедшего времени», которые неприятно было слышать из уст слепого старика. Вообще можно было заметить, что Николев некогда жил в знатном кругу и был известен при дворе. Н. И. Ильин сидел подле меня, и я возобновил с ним петербургское знакомство. В обращении Ильина была всегда какая-то важная чопорность, которая именно тогда особенно кинулась мне в глаза, равно как и его высокое о себе мнение; со мною он был благосклонно ласков и звал меня к себе. На другом конце стола председательствовал Шатров; по поручению хозяина он всех угощал и, зная наизусть его нрав, старался поддержать шумную веселость гостей; Шушерин усердно помогал ему. Когда встали из-за стола, Николев взял меня под руку и вместе со мною отправился в гостиную; мы шли впереди всех. Хозяин спросил меня: «Не правда ли, что у меня довольно весело?» Я, разумеется, отвечал утвердительно и горячо. «Нынче пропадает умение жить весело», – сказал с сожалением весьма довольный собою хозяин. Я понял, что Николеву нужен вожак, и довольно искусно исполнил это дело, то есть вел его так, как будто мы шли вместе. Он сел на диван, а гости расселись около него; подали кофе, ром и ликер. Я заметил, что все были довольно веселы. Разговор не замедлил склониться к литературе, или, лучше сказать, Шатров не замедлил круто своротить его на эту дорогу, обратившись с просьбою, от имени всех, чтобы великий Николев, бесконечно разнообразный в своих творениях, прочел что-нибудь из своих эротических и сатирических сочинений. Хозяин не замедлил согласиться, начал читать и читал очень много, основываясь на том, что я, как новичок в Москве и в литературе, ничего еще не слыхивал из его заповедных мелочей и шалостей.

Ничего из слышанного мною не сохранилось в моей памяти; помню только, что Николев прочел всем известную тогда пародию на Тредьяковского, которую я знал наизусть еще в Петербурге.

Аз Тредьяковский, строгий *пиита*,
Красного слога борзый *писец*,
Сиречь чья стопно мысль грановита —
Что же бы в рифму? Русский певец.
Брякну стихами песни похвальны
Ратничкам русским, аки руссак:
Прочь скоротечно, мысли печальны!
Вас не изволю слушать никак;

и пр.⁸ Тут только я узнал, что она принадлежала Николеву. Часа через два Николев лег спать и гости разъехались. Через несколько дней я был у Николева один поутру, согласно его приглашению и моему обещанию. Мальчик от него не отходил, часто исполняя разные его приказания. Вероятно, он давно служил при своем господине: он был так наметан, что по одному знаку без слов отгадывал, что ему нужно, и всегда стоял против своего барина. Разговор недолго держался на посторонних предметах и скоро перешел к сочинениям хозяина. Читая какую-то пьесу наизусть, он запнулся, сделал знак рукой мальчику, и тот сейчас бросился к шкафу, достал из него и принес, кажется, пять больших книг, в лист, в переплете, но рукописных: это были сочинения Николева.⁹ Он попросил меня, чтобы я в таком-то томе отыскал такую-то пьесу и начал бы ее читать вслух. Едва я дошел до того места, где поэт остановился,

⁸ Эта пародия была напечатана в 4-м томе «Творений» Николева (1797), под названием: «Ода 1-я Российским солдатам на взятие крепости Очакова сего 1796 года, декабря 6-го, сочиненная от лица некоего древнего Российского пииты»; она начинается так: «Аз чудопевец» и пр. Год поставлен неверно. Очаков взят в 1788 году. (*Поздн. прим. сочинителя*).

⁹ Сочинения Николева были давно напечатаны (1795–1797); отчего подали нам рукописные – не знаю. Вероятно, это были сочинения, исправленные и дополненные самим автором.

как он вспомнил забытый стих и продолжал уже декламировать сам. Подобное обстоятельство, случившееся еще несколько раз, конечно изобличало слепоту Николева; но он и тут продолжал прежнюю комедию: заглядывал ко мне в книгу, как будто справляясь, не ошибся ли я, потом брал ее в руки и, как будто по книге, продолжал чтение начатой мною пьесы. Были ошибки, пожалуй, смешные, но скорее жалкие. В стихотворениях Николева было множество примечаний, разумеется писанных прозою; их все читал уже я, и автор слушал с наслаждением. Он придавал великую важность своим примечаниям и весьма наивно говорил, что тут скрыта бездна знаний и учености и что одни примечания могли бы составить великую славу их сочинителю. О новейших писателях по большей части он говорил с насмешкою или презрением. Мне очень хотелось выслушать всего «Малек-Аделя», но автор не стал читать, откладывая это до другого времени. Впоследствии, бывая довольно часто у Николева, я слышал несколько сцен из «Малек-Аделя», но всегда при других посетителях, наедине же он никогда не читал мне своей трагедии. Вероятно, Николеву одного меня или вообще одного слушателя было мало, потому что в присутствии Шатрова и Глинки он охотно разыгрывал некоторые сцены; всей пьесы я никогда не слышал, а потому и содержания ее хорошенько не знаю. – Предсказания Шушерина оправдались: Шатров мало-помалу начал при мне подшучивать над Николевым и особенно над его старанием скрывать свою слепоту. Конечно, эта странная слабость, казалось бы несвойственная умному человеку, как-то уменьшала то сожаление, которое чувствуется всеми к человеку, лишенному зрения. Обман являлся так явен, что иногда нельзя было не улыбнуться; но Шатров наводил Николева наглым образом на смешные промахи и ставил его в карикатурные положения, даже до неприличия. Это были совершенно школьничьи шутки, которые меня никогда не забавляли, а также и С. Н. Глинку; но Шушерин очень ими потешался и даже подстрекал Шатрова к разным выдумкам. Что за мудреное создание человек! Шатров любил Николева, как близкого родного, ухаживал за ним во время его болезни, развлекал во время скуки, видел в нем великого писателя, прибавляя по секрету, что у него много и дряни, – и тот же Шатров ругался над слепотой Николева и задыхался от сдержанного смеха, когда слепец наткнулся на подставленный ему стул и больно ушибался.¹⁰ Я вторично встретился с Н. И. Ильиным, кажется, на литературном вечере у Ф. Ф. Кокошкина. Ильин с благосклонною важностью опять пригласил меня к себе, и я на другой день поехал к нему; жил он ужасно далеко, где-то за Красными воротами, в деревянном ветхом домишке, помнится, своей сестры. Он помещался очень тесно, в небольшом чулане, который с важностью называл своим «рабочим кабинетом». Все обличало большой недостаток состояния и в то же время ярко и карикатурно прикрывалось великолепием обращения. По важности приемов и тона можно было принять Ильина за богатого вельможу, а ветхость шлафрока и всей обстановки обличали в нем бедняка. Мне сейчас пришел в голову испанский дворянин Дон Ранудо де Калибрадос, выведенный в комедии Коцебу, который, три дня не евши, ковырял в зубах. Вспоминая теперь об этих людях, я нахожу, что Ильин и Николев разыгрывали одну и ту же комедию: слепой представлял зрячего, а бедняк – знатного богача. Ильин принял меня, однако, с большою вежливостью и даже ласкою, не теряя, впрочем, своего высокого достоинства. У этого господина было такое же огромное самолюбие, как у Шатрова и Николева, но он умел его скрывать в Петербурге. Я видел его по крайней мере двадцать раз у Шушерина, и не более, как за год; тогда это был совсем другой человек. Ну, подумал я, как разбухает авторское самолюбие в Москве. Впрочем, это было справедливо только в отношении к трем сочинителям, сейчас мною названным, принадлежавшим к особому кругу людей с отсталыми понятиями. Сценические успехи Ильина вскружили ему голову. В самом деле, «Лиза, или Торжество благодарности» и «Рекрутский набор» – пьесы точно с некоторым достоинством, особенно последняя, – производили при своем появлении, и в Москве и в Петербурге, такое сильное впечатление, даже

¹⁰ Через восемь лет Шатров ослеп и прожил еще с лишком двадцать лет.

восторг, какого не бывало до тех пор, как мне сказывали старожилы-театралы. Я видел много раз эти пиесы на сцене, когда они были уже не новость, и могу засвидетельствовать, что публика и плакала навзрыд и хлопала до неистовства: в Петербурге поменьше, в Москве побольше. Говорят, вызов на сцену авторов начался с Ильина.¹¹ В последнее время он ничего уже замечательного не писал и отдыхал на лаврах. Самолюбие Н. И. Ильина довольно выражается тем, что он впоследствии одну из своих ничтожных театральных пьесок печатно посвятил «Великому своему учителю Фон-Визину». В этот раз я заметил в Ильине еще другую слабость, которая и тогда уже развивалась в нем наравне с авторским самолюбием, а впоследствии выросла до нелепых и гибельных размеров, – слабость к знати. Он беспрестанно упоминал о своем близком знакомстве с знатными людьми: графы, князья, генералы и действительные тайные советники не сходили у него с языка. У князя Юсупова он ужинал, у княгини N. N. завтракал, у графа Шереметева обедал, у графини N. N. был на бале, с его высокопревосходительством ездил на охоту, со всеми короткий друг – только у него было и речей. Мне стало это гадко, и когда он предложил мне свое покровительство, чтоб познакомить меня в некоторых знатных домах, то я с горячностью молодости выразительно ему отвечал, что ищу знакомства людей, отмеченных дарами божьими, а не знатностью. Ильин осудил мою выходку и сказал что-то вроде наставления. Когда я собирался уехать, благосклонный хозяин спросил меня, куда я еду; я отвечал, что домой, то есть в дом, нанимаемый моим семейством в Старой Конюшенной. – «В чем вы приехали?» – «На извозчике», – отвечал я. «Ну, так я вас доведу. Мне самому надобно ехать в Старую Конюшенную к княгине N. N., я у нее обедаю», – сказал Ильин; свистнул и, видя, что никто не идет, принялся звонить в колокольчик; наконец, пришел старый слуга, очень бедно одетый, и хозяин величественно сказал: «Прикажи кучеру Федору заложить мне возок или лучше сани, потому что дорога дурна (тут последовало молчание): в корень – Олень, на пристяжку – Куницу». Лакей отвечал, что лошади давно готовы. Хозяин попросил позволения одеться и вышел; одевался очень долго; я проклинал себя, что не отказался от его предложения. Наконец пришел одетый с большой изысканностью и претензией на щегольство, считавший себя в то же время красавцем, ужасно надоевший мне Н. И. Ильин, и мы вышли на крыльцо. Увы! Олень и Куница оказались такими клячами, что мы едва дотащились до Старой Конюшенной, а барин беспрестанно приказывал сдерживать лошадей по причине дурной дороги, которая в самом деле разрушалась от весеннего солнца. В другой раз я уже не был у Ильина, несмотря на скорый его визит и учтивые приглашения.

Я поспешил рассказать Шушерину мое свидание с Ильиным и думал удивить его; но Шушерин, посмеявшись, сказал мне, что он давно знает эти грешки за Н. И. и что в Москве они пошли в гору. Вообще Шушерин был очень умен и знал насквозь всех своих знакомых; он любил посмеяться над слабостями своего ближнего за глаза и даже в глаза, но так искусно, что ни с кем не ссорился; он умел держать себя прилично в разных слоях общества. Я бывал с ним вместе на литературных вечерах у Ф. Ф. Кокошкина, у которого обыкновенно собирались Каченовский, Мерзляков и Ф. Ф. Иванов, сочинитель драматических пиес «За богом молитва, а за царем служба не пропадают» и «Не бывать фате» – пиес, которые в свое время имели значительный успех. Иванов слыл большим остряком и в самом деле был остроумный и веселый собеседник. Приезжали иногда гр. Салтыков, Вельяшев-Волынцев, Смирнов, зять Мерзлякова, и другие; Шушерин вел себя с большим тактом со всеми. Кокошкин иногда читал на этих вечерах свой перевод Мольерова «Мизантропа» и просил замечаний. Замечания Каченовского всегда были очень дельны, но умеренны, а Мерзляков, бывавший по вечерам обыкновенно веселее, часто нападал беспощадно на переводчика. Один раз Кокошкин, выведенный из терпенья его беспрестанными придирадками, положил рукопись на стол, очень важно сложил

¹¹ Кажется, это несправедливо: Н. П. Николев был вызван за свою «Сорену», в 1783 году, три представления сряду. «Памятник друзей Н. П. Николеву», стр. 21.

руки и сказал: «Да помилуйте, Алексей Федорыч, предоставьте же переводчику пользоваться иногда *стихотворной вольностью*». – «Стихотворная вольность состоит в том, чтоб писать хорошо», – возразил Мерзляков, произнося слова своим пермским выговором на о. Все громко засмеялись и одобрили такой ответ. Но едва ли кто больше Мерзлякова пользовался так называемой стихотворной вольностью, в которой он так резко отказывал Кокошкину – особенно в своих переводах Тасса, из которых отрывки он также иногда читывал у Кокошкина... и никто, кроме Каченовского, не делал ему никаких замечаний, да и те были весьма снисходительны. Я тут же сообщал потихоньку Шушерину на ухо мои критические заметки и один раз попросил у него совета: «Не сказать ли мне моих замечаний самому Мерзлякову?» Но Шушерин удержал меня, сказав: «Ну, полно, любезный друг, что тебе за охота? Ведь ты еще юноша, а это знаменитый муж, профессор словесности. Разумей про себя и не делай сам того, что критикуешь у Мерзлякова». Я послушался Шушерина и, конечно, сделал хорошо. Нет, однако, никакого сомнения, что перевод Кокошкина много обязан своим достоинством, правильностью и (по-тогдашнему) чистотою языка строгим замечаниям Мерзлякова.

Шушерин присутствовал также при чтении моего перевода Мольеровой комедии «Школа мужей», которую я должен был, наконец, прочесть Николеву, по настоятельному его требованию. На чтение были приглашены Шатров и Глинка. Я приехал вместе с Шушериним, который обратился с убедительнейшею просьбою ко всем присутствующим, чтобы они меня не щадили и прогнали *сквозь строй критических розог*. «Это будет тебе полезно, – сказал он мне, отведя меня в сторону, – ты же любишь сам критиковать, так попробуй на себе; я ведь нарочно подбил Николеву, чтоб он потребовал этого чтения». Я был озадачен, и смущен, и даже не совсем доволен: но Шушерина это забавляло, и он трунил надо мной в начале чтения. Я читал первый акт неудачно, так что Шушерин выходил из терпенья. «Что с тобой сделалось? – говорил он мне. – Неужели ты струсил? Как тебе не стыдно, ведь это все шутка!» На втором акте я ободрился и дочитал хорошо свой перевод. Замечаний делали много, которыми я потом и воспользовался, но по окончании пьесы очень хвалили и перевод и чтение. Я успокоился и был очень благодарен Шушерину.

Между тем кончил я свой перевод «Филоктета». Прочитав его сначала у Кокошкина, прочел и Николеву в присутствии Глинки и Шатрова. Тогда не скупы были на похвалы, и, право, смешно вспомнить, как они хвалили меня за этот перевод! Даже замечаний делали мало, отговариваясь тем, что нечего замечать.

Остальное время пребывания моего в Москве до 15 июня было исключительно поглощено двумя спектаклями, в которых играл Шушерин, о чем я довольно говорил в моих о нем воспоминаниях. Частые свидания с Кокошкиным у директора театра А. А. Майкова, на репетициях в самом театре, которые, однако, я слушал часто издали или стоя за другими, потому что Шушерин не пускал меня на авансцену, свидания на предварительных частых пробах у Кокошкина в доме, где я довольно наслушался, как хозяин ставил на роль Энея молодого дебютанта Дубровского, вовсе не имевшего таланта и физических сил для сцены, – сблизили меня с Кокошкиным, несмотря на несходство наших лет и свойств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.